

Новая гостиница была на несколько уровней ниже прежней. В номере почти не было света, отсутствовал отдельный санузел, а чистота постельного белья и шкафов вызвала большие сомнения.

Зато дешево.

Чи Яньчжи сидел на кровати, медленно, ложка за ложкой, доедая остывшие вонтоны.

Наконец-то пришла его очередь попробовать на вкус рис с горькими слезами.

Картина того, как Чи Шаоань был рядом с Лу Хэном, стояла перед глазами. Чи Яньчжи с силой протер глаза:

— Почему они такие острые...

Маленькие вонтоны, в которых не было ни грамма перца, безмолвно принимали на себя несправедливые обвинения.

Не хочу больше любить Лу Хэна.

Только и знает, что играть со мной, только и знает, что издеваться... Рука Чи Яньчжи, сжимавшая пластиковую ложку, дрогнула, и его самообладание внезапно рухнуло.

— Неужели так трудно хотя бы немного быть со мной поласковее... — он свернулся калачиком, снова перестав понимать, где именно болит.

Тот, кто всегда был таким терпеливым и великодушным, больше не мог выносить этого.

Почему всё достается Чи Шаоаню?

Родительская любовь — Чи Шаоаню, семейная компания — Чи Шаоаню, даже его возлюбленный любит только Чи Шаоаня.

Ну почему?

Пальцы Чи Яньчжи впились в ткань рукавов, он задрожал от рыданий.

Но ничего не поделаешь, он любит Лу Хэна. Любит очень сильно. Настолько сильно, что сам считает себя жалким.

Поначалу он по своей наивности даже думал, что сможет отогреть Лу Хэна. Оказалось, он переоценил свои силы.

Этот человек до сих пор продолжает водить его за нос.

Чи Яньчжи плакал до головокружения. Он взял телефон, заблокировал новый номер Лу Хэна, а затем отправил сообщение врачу.

Он непременно разведется с Лу Хэном, как только тот выпишется из больницы. А потом удалит железу, чтобы больше никогда не надеяться на метку Лу Хэна.

Закончив со всем этим, он обессиленно повалился на кровать, правой рукой изо всех сил сжимая ноющую железу.

Несколько дней назад его только пометили, а днем он еще и отдал Лу Хэну свои феромоны. Эта проклятая железа, словно распробовав вкус, при одном только упоминании имени Лу Хэна начинала неистово жаждать его феромонов.

— Неужели... — свернувшийся креветкой омега заливался слезами, — нельзя хоть немного иметь гордости...

Ногти впивались в тонкую кожу на железе, причиняя резкую боль, но не в силах подавить тоску, разливающуюся из глубин сердца и самой железы.

Хочу.

Хочу, чтобы обняли.

Хочу метку.

Хочу утешения.

— Лу Хэн... — в голосе всегда сдержанного омеги слышалась мольба, — пожалей меня хоть немного...

Даже если дать себе тысячу обещаний, стоит лишь вспомнить о тебе, как вся решимость рассыпается в прах.

Помутившийся разум Чи Яньчжи пришел в себя лишь тогда, когда его цитрусовые феромоны начали слегка выходить из-под контроля.

Похоже, начался период течки.

Неудивительно, что он чувствует себя еще более обиженным, чем раньше.

Омега в период течки инстинктивно тянется к альфе, который оставил на нем свою метку. Под влиянием этого чувства Чи Яньчжи был готов прямо сейчас оказаться перед Лу Хэном.

Его пальцы, сжимавшие телефон, сильно дрожали. Приложение удалось открыть лишь с пятого или шестого раза.

Он включил ту самую запись и поставил на повтор.

Завтра пойдем в ЗАГС.

Омега отбросил телефон в сторону и обхватил себя руками, притворяясь, что это его альфа обнимает его.

— Лу Хэн... я заболел... — прошептал омега, словно любимый был рядом, — мне больно... так больно... можешь обнять меня? Если обнимешь — боль пройдет...

Самообман не приносил никакого облегчения.

Чи Яньчжи было так больно, что в глазах темнело.

Неизвестно, с каких пор его течка стала нестабильной, а память начала подводить. Он уже не помнил, когда был предыдущий раз.

Впрочем, это ничего не меняло.

Без утешения и метки альфы ему приходилось справляться самому.

Нет, он не может допустить течку сейчас...

В последнее время в его жизни было слишком много проблем, он совсем забыл, что сейчас не время для течки. Он давно купил лекарство и носил его в своей сумке.

Чи Яньчжи, собрав последние силы, поднялся. Высокая концентрация цитрусовых феромонов заполнила все углы комнаты, растерянно и осторожно разыскивая тот самый, недостижимый запах черного дерева.

Стоило ему встать с кровати, как перед глазами поплыла черная пелена, ноги подкосились, и он рухнул на пол.

Холодный пот капал с кончика носа на пол.

Прохлада пола немного облегчила жар.

Сил больше не было.

Жар внутри и холод пола терзали его тело и душу, сердце пронзила острая боль, но Чи Яньчжи не мог даже поднять руку, чтобы прижать ее к груди.

Комната постепенно погружалась в темноту. За секунду до потери сознания он успел лишь прошептать одно имя:

— Лу Хэн...

Спаси меня.

...

Лу Хэн думал, что Чи Яньчжи еще вернется, и, борясь со сном, прождал до полуночи.

— Может, он не знает, что я переехал в другую палату? — Лу Хэн открыл чат с Чи Яньчжи. Там висела куча сообщений, отправленных им, но Чи Яньчжи не ответил ни на одно.

Может, он решил, что я назойлив?

Лу Хэн осторожно написал длинное оправдание, в конце добавил номер своей новой палаты и нажал отправить, но через секунду увидел красный восклицательный знак.

Лу Хэна охватила паника. Он резко сел, но тут же из-за головокружения и сердцебиения, вызванных сотрясением мозга, снова повалился на подушки.

Он продолжал пытаться писать и звонить Чи Яньчжи по всем доступным каналам, но ответа не было.

Может, он сказал что-то не то днем?

Может, его просьба дать ему шанс расстроила Чи Яньчжи?

Да, какое он вообще имеет право просить о чем-то?

С чего он взял, что Чи Яньчжи даст ему шанс, если он попросит?

Лу Хэн горько скривил губы и отправил контакт Чи Яньчжи Гу Цинчжоу, попросив его извиниться от своего имени.

Чи Яньчжи проснулся от настойчивого звонка телефона, похожего на проклятие. Он уже работал с Гу Цинчжоу, поэтому сохранил его номер.

Посмотрел на время — час ночи.

Звонит в такое время... должно быть, Лу Хэн не смог до него дозвониться и попросил Гу Цинчжоу.

Чи Яньчжи с раздражением отбросил телефон.

Пуговицы на его одежде были расстегнуты, затылок онемел от боли, появилось странное ощущение липкости.

Снова пошла кровь.

Его бросало то в жар, то в холод, тело била дрожь, а в глазах по-прежнему плыло.

Сумка, которую он бросил у двери, лежала поодаль. Чи Яньчжи с трудом прополз метр, волоча почти непослушное тело, и с силой притянул сумку к себе.

Нащупал внутри шприц.

Обычному омеге хватило бы таблеток, но только не Чи Яньчжи.

После того как Лу Хэн пометил его в первый раз, он больше никогда не получал утешения феромонами.

Если бы его никогда не метили, было бы легче, но после метки, не получив утешения от того или другого альфы, переносить течку становится все труднее.

Чи Яньчжи дрожащей рукой ввел подавитель в железу.

Теперь одной дозы сильного подавителя было недостаточно. Но его железа не выдержала бы

две дозы за короткий промежуток времени.

<http://bllate.org/book/20237/2016177>